
Ё. НАКАМУРА

Природа в житиях святых, русских и японских

Позвольте мне предаться воспоминаниям.

Летом 1965 г. я в первый раз пришел в Пушкинский Дом. Мне посчастливилось — я познакомился с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. И хотя это была наша первая встреча, Дмитрий Сергеевич сразу предложил мне сделать сообщение о том, как в Японии изучают древнерусскую литературу.

Это предложение застало меня врасплох, но все же я в большой спешке за одну ночь написал маленькую статью. На самом деле тогда в Японии не так-то и много было такого, о чем можно было рассказать в этом отношении. Но я думаю, вы легко представите себе, как много для меня, начинающего исследователя древнерусской словесности, означал такой теплый прием.

Осенью 1993 г. Дмитрий Сергеевич в сопровождении дочери Людмилы Дмитриевны посетил Японию. Международная конференция, куда пригласили Дмитрия Сергеевича вместе с другими представителями европейской интеллигенции, проходила при закрытых дверях на курорте под Токио, но по просьбе организаторов конференции Дмитрий Сергеевич выступил с публичной лекцией о характере русской культуры в одном из залов в центре Токио. Лекция произвела глубокое впечатление на всю аудиторию. Некоторые молодые слушатели были тронуты до слез. После лекции к Дмитрию Сергеевичу выстроился длинный хвост за автографом. Одни держали в руке японский перевод «Заметок о русском», другие — «Поэзию садов», а третьи — «Смех в Древней Руси». Я весьма удивился тому, что Дмитрий Сергеевич, у которого было крайне мало времени, очень тщательно и красиво надписывал каждую книгу, совсем не так, как это делают кинозвезды, небрежно набрасывающие свое имя размашистыми каракулями.

И в Токио, и в Киото Дмитрия Сергеевича часто просили дать интервью. Помню, одна молодая женщина-интервьюер с какой-то телестудии задала ему такой вопрос: «Каков, по-вашему, прообраз России?». Дмитрий Сергеевич сразу ответил: «Это русская деревня, где на холме у леса высится церквушка, а поблизости стоят крестьянские избы». Понятно, что, хотя по существу Дмитрий Сергеевич был городской человек, в глубине души он питал любовь к русской природе, скромной жизни простого народа и свойственной ему вере.

По возвращении в Россию Дмитрий Сергеевич написал для японского журнала заметки о поездке в Японию.¹ Я не знаю, печатали ли их где-нибудь в России, но они полны проникательных наблюдений о сущности японской культуры. Интересно заметить, что, перечисляя уникальные свойства японского сада, Дмитрий Сергеевич, в частности, пишет: «Вглядываясь в японские сады, начинаешь лучше понимать своеобразие европейских садов и парков».

В своих заметках Дмитрий Сергеевич объясняет разницу в психологии русских и японцев различиями в отношении каждого народа к природе. Разрешите мне привести еще одну фразу из статьи Дмитрия Сергеевича: «Я вспоминаю о том, что я писал в своей книжке „Заметки о русском“ — о стремлении русских расселиться на возможно большем пространстве, раздвинуться, перейти жить на границы. В сущности я писал о том же самом, о чем писал Гоголь в „Мертвых душах“, отождествляя Русь с лихо мчащейся тройкой. Мне кажется, что у японцев совсем другое стремление — собраться вместе, освоить каждый кусок земли, не покорять природу, а как бы дружить с ней, учиться у нее, подражать ей в лучшем».

Цель моего сегодняшнего доклада — приложить мнение Дмитрия Сергеевича к житиям русских и японских святых и по возможности продолжить его мысль. Здесь же хочу сделать оговорку: я не специалист по агиографии — ни русской, ни японской, поэтому разрешите мне просто поделиться некоторыми соображениями.

Известно, что в русской и японской древней литературе жития святых составляют один из самых распространенных жанров. Здесь я собираюсь ограничиться двумя житиями — знаменитого Сергия Радонежского (1321—1391) и буддийского ученого-монаха Мёэ (1173—1232), который пользуется в Японии большой популярностью.

Есть много общего в жизненном пути обоих святых. Мёэ родился недалеко от тогдашней столицы в семье провинциального самурая. Отказавшись следовать примеру отцов, он ушел в монахи еще в молодости и усердно изучал буддийские писания. Слава о его благородном характере, безупречной жизни, чистосердечной преданности Будде, абсолютном аскетизме разошлась по всей стране, и Мёэ завоевал всеобщее уважение. До наших дней дошла легенда о том, что и правитель почитал Мёэ, и тот даже оказывал определенное влияние на политику страны.

Так как я родился и вырос в маленькой островной стране, мне трудно представить себе, как выглядели переяславские леса в XIV в. Однако автор или, точнее, авторы биографии Сергия рассчитывали на читателя, который был хорошо знаком с этими или подобными лесами. Они могли обойтись без описания пустыни, где жил святой.

И все же иногда, благодаря бегло сказанному слову, отдельному штриху, перед глазами словно живые возникают картины важных моментов в жизни

¹ На япон. яз. В переводе с рус. Ё. Накамура: Лихачев Д. С. Впечатления от Японии // Херумеску (Гермес). Токио. 1994. № 48. С. 105—109.

святого. Прежде всего, конечно, вспоминается та сцена, когда отрок Варфоломей увидел мистического чернооризца «на поле под дубом».²

Преподобный Сергей два раза предпринимал в лесу поиски подходящего места для постройки монастыря — сначала с братом Стефаном, а потом с соседом Стефаном. «Обошли они по лесам многие места и наконец пришли в одно место пустынное, в чаще леса, где была и вода».³ «Многие места обойдя, наконец нашли они место, красивое весьма, — и река была поблизости».⁴

Мне хотелось бы обратить ваше внимание на выражение «красивое весьма» (красное зело). Предполагаю, что авторы, по крайней мере первый автор Епифаний, лично видели это место и хорошо знали его.

Никто не может быть равнодушным к красоте природы. Наверное, в этом отношении не было никакой разницы между мирскими и церковниками. Об этом свидетельствует тот факт, что не сыщется ни одной русской церкви, ни одного русского монастыря, которые были бы поставлены в неподходящем и неприглядном месте. То же самое можно сказать и о японских храмах.

А что касается более или менее подробных описаний природы в русской агиографии, то с этим пришлось подождать до появления гения XVII в. — протопопа Аввакума.

Биографы преподобного Сергея признают, что молодой святой, хотя был отважен, сначала «немного и боялся, как всякий человек», посещения диких зверей.⁵ Но когда звери поняли, что этот человек не причинит им никакого вреда, они перестали докучать ему. «Некоторые из них вдалеке стояли, а другие близко подходили к блаженному и окружали его, и даже обнюхивали его».⁶ Один медведь стал часто приходить к блаженному. Когда у него был «лишь один кусок хлеба», то и тогда «одну часть» он отдавал зверю.⁷ Читая эту фразу, вспоминаешь известного ассизского святого. Кажется, даже у хищников возникает инстинктивное чувство особой приязни к святым людям.

Перейдем теперь к японскому житию. Автором жития преподобного Мёэ стал Кикай, один из его учеников. Кикай записывает в житии, как Мёэ во время *дзадзэн*, т. е. занятия сидячей медитацией, уловил вдали едва слышные звуки и велел ученикам сначала спасти воробья от глотающей змеи, а потом помочь выбраться оводу, упавшему в ведро.

В Киото хранится портрет Мёэ, который написал его другой ученик, Дзеин. Мёэ изображен погруженным в глубокую медитацию, сидя на дереве. Птички летают над его головой, белки бегают вокруг по стволам. Похоже, что разные зверьки были постоянными спутниками Мёэ.

Кикай подчеркивает в житии, какой прекрасный вид на море открывался с холма, на верху которого Мёэ построил себе келью. Автор агиографии описы-

² См.: Житие Сергия Радонежского / Перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 277.

³ Там же. С. 289.

⁴ Там же. С. 359.

⁵ Там же. С. 301.

⁶ Там же. С. 305.

⁷ Там же. С. 307.

вает пейзаж, пользуясь приемами риторики, похожими на «плетение словес». По-видимому, он был уверен, что красивый пейзаж очищает душу человека, делает его мысли по-настоящему возвышенными.

В окрестностях кельи, описанных Кикаем, был один необитаемый островок, который Мёэ с детства часто посещал. Однажды Мёэ написал этому островку письмо, где сначала изложил тайны буддизма, а потом выразил свою горячую любовь к островку. Посыльный спросил, кому доставить письмо. Мёэ спокойно ответил: «Крикни громко, что принес письмо от Мёэ и оставь его на прибрежном песке».

Мёэ был еще и поэтом. Он сочинял стихи в форме пятистиший *танка*, традиционной для японской поэзии. Привожу одно из самых известных его творений.

Спущусь я по круче,
За горами скроюсь.
Закатись и ты, месяц!
Давай теперь ночь за ночью
Вместе за горы заходить!

В ту же ночь, когда было написано это стихотворение, он сложил еще одно пятистишие со следующим предисловием:

«Ночью в 12-й день 12-й луны первого года *Гэндзин* [1224 г.] я возвращался домой из своей кельи, спускаясь с вершины, я видел месяц, который как раз появился из-за облаков, и снег засверкал в его сиянье. Выли волки в долине, но мне не было страшно, потому что месяц, мой друг, сопровождал меня».

О, зимний месяц,
Мой спутник верный
На горной дороге,
Вот ты вышел из туч —
Верно, бьет тебя ветром и снегом студит?

Изливать щедрую любовь не только на зверей и птиц, но и на неодушевленные предметы было для японцев идеалом. Многие буддийские отшельники наслаждались красотой природы, растворяя себя в ней почти до юродства и тем самым подавая пример простым мирянам. Мёэ здесь не был исключением.

Итак, я сделал попытку показать сходство и разницу в отношении к природе русских и японских религиозных деятелей.

Считаю уместным также вспомнить здесь о «Слове о полку Игореве» и «Слове о погибели Русской земли». Как хорошо известно, Ярославна обращается к рекам Дунаю и Днепру, ветру и солнцу. (Кстати, вот еще одна интересная особенность: японцы никогда не восхваляют солнце в поэзии.) Русский поэт XIII в. восхищается как природой, так и людьми и православной верой Русской земли. Само собой разумеется, что жизнь людей Древней Руси была не менее тесно связана с природой, чем жизнь японцев, однако, должно быть, существовала пропасть между христианским взглядом на природу, строго запрещающим языческие представления, и буддийским вероучением, допускающим аниимистическое толкование природы.